

Стаса ГОЛОДНИЦКОГО в Костроме знают многие. Сын основателей камерного драматического театра Бориса и Ольги Голодницких, выпускник Российской академии театрального искусства, актер и режиссер-постановщик. После окончания престижного театрального вуза всех удивил: несмотря на предложение работать в двух столичных театрах, вернулся в Кострому. Сразу же замахнулся на серьезные драматургов и остросоциальные темы. До сих пор каждый поставленный Стасом спектакль смотрится как пощечина. Мы встретились со Стасом 27 ноября, в этот день ему исполнилось 27 лет.

— Стас, кто тебя первый сегодня поздравил?

— Утром папа зашел в комнату, с подарком. Пока он его разворачивал, я, как в детстве, усиленно делал вид, что сплю, переворачиваясь с боку на бок. Когда он сказал: "Стас, с днем рождения!", я резко подскочил: "А? Что?" Ощущение того, что все происходило, как в детстве, меня очень порадовало. Мне всегда хотелось этого дня, подарков, торта со свечами, когда вся семья собирается за праздничным столом.

— Дети из театральных семей обычно говорят, что они росли за кулисами, и детства у них не было. Получается, это лукавство?

— Мне кажется, это определенный штамп. Простые радости есть, наверно, в детстве каждого человека. Да, большую часть времени дети артистов и режиссеров действительно проводят в театре, за кулисами, но кроме этого, есть семейные встречи, поездки, друзья.

— Твоей первой ролью в камерном театре был Маленький принц Экзюпери. Осталось от него что-то в тебе?

— Эмоции, которые переживал тогда. Лиричность. Сентиментальность. Сложно сказать. Мне кажется, что с возрастом я становлюсь таким рациональным парнем, хотя, если честно, до сих пор дурак дураком.

— У тебя нет ощущения, что ты слишком быстро повзрослел?

— Работая режиссером в театре, действительно взрослеешь быстрее. Вопрос тут в том, сколько и что ты читаешь, с какой драматургией сталкиваешься. Мне повезло, я начал заниматься режиссурой в двадцать один год, взял для постановки российских и зарубежных классиков — Арбузова, Вампилова, Разумовскую, Зуева, Герша, Линдгрена. Затронул проблемы, которые волнуют не только подростков, но и взрослых людей. Когда работаешь с хорошими драматургами, словно глаза открываются, мир видишь заново, становишься мудрее.

Стас Голодницкий:

Взрослая жизнь Маленького принца

— Жизнь твоих родителей связана с театром, твой выбор профессии был закономерностью?

— Честно говоря, я не очень хорошо понимаю значение слова "закономерность". Если у человека не возникает желания, то никакая закономерность его на новый уровень не вытаскивает. Если он хочет — он это делает. А только от того, что родители в театре, значит, и мне надо быть в театре, ничего хорошего не будет. Когда человеку в жизни ничто не интересно, у него ничего не болит, он ни о ком не думает, ему эту "закономерность" можно просто выбросить и больше к ней не возвращаться.

— Как ты относишься к фразе, что на детях талантливых родителей природа отдыхает?

— Я с ней не согласен. Знаю примеры, когда дети известных родителей, имея долю таланта и желание работать, многого добивались. Мой педагог Марина Юрьевна Кайдалова говорила: "Талант — это всего лишь мандат на работу". Если генетически в тебе что-то заложено — это право на твое развитие, на работу. Потому что театр, по большому счету, — пахота.

— Многие считают, что театр — это песни и пляски, вечный праздник.

— Я тоже слышал, когда некоторые люди говорят: "Да что вы, артисты, делаете? Прыгаете, скачете, веселитесь". А ты стоишь и думаешь: "Проведи спектакль, отыграй три часа на сцене, не выходя с

сцены". Это даже физически сложно: софиты, пластика, хореография, пот градом. В театре много внешних факторов, которые влияют на твоё психологическое состояние, много переживаний: что-то получилось, не получилось, поссорились с артистами, помирились. Приходят юные создания в театр, такие одаренные и талантливые, так глаза горят. Через пять лет смотришь — и от этих глаз уже ничего не остается, и от юности тоже, все как-то покрывается мхом, перерастает в рутину. Я говорю сейчас не о нашем театре, у нас все складывается хорошо. Но есть и другие театры. Я много общался с артистами по всей стране, они получают мизерные зарплаты, по семь лет на гастроли не выезжают. В итоге люди спиваются. Одни "ловят звезду" и от этого начинают пить, другие пьют просто от скуки. Их немножко жалко. Немного жалко и себя в том числе, потому что я иногда задумываюсь: "Что я делаю в маленьком городке? Какие у меня тут перспективы?"

— Но ты ведь мог остаться работать в Москве. Почему вернулся в свой "маленький городок"?

— После окончания Российской академии театрального искусства меня брали в театр Марка Розовского и в театр Ермоловой к нашему мастеру Владимиру Алексеевичу Андрееву. Но я выбрал другой путь. Хорош он или плох — время рассудит. А я ни о чем не жалею, ищу мотивацию, ищу стимул, бе-

зумно благодарен родителям за то, что они мне этот стимул давали и дают. У меня есть возможность заниматься любимым делом, ни от кого не зависеть, ни у кого ничего не просить, просто брать и делать то, что я хочу. Это, наверно, самое главное в жизни, когда ты ни от кого не зависишь, не унижаешься перед начальниками, как это часто бывает в театральном мире. Я рос в театральной семье, все это видел, как друг друга сжирают, как не дают реализоваться другим артистам и как делают так, чтобы они просто уехали из театра.

— У тебя нет сожалений, что, работая в провинциальном театре, ты не заработаешь больших денег, не купишь виллу, яхту?

— Сожалений нет, потому что я просто так не считаю. У меня есть определенные цели, задачи, несмотря на свою молодость, я знаю, как к этому прийти. Можно стать известнейшим театральным режиссером, работая в провинции. Яркий тому пример — художественный руководитель Театра драмы имени Волкова Евгений Марчелли. Сколько лет он проработал в маленьких городках, через какой путь прошел, чтобы стать известным режиссером. Мой отец, прежде чем стать известным театральным художником России, около двадцати пяти лет отдал своей работе. В итоге его заметили, и сейчас приглашают везде. Он не знает, как распределиться в своем графике. В нашей профессии надо

оказаться в нужном месте в нужное время. Так что говорить о том, что, работая в провинциальном театре, я никогда ничего не заработаю и не добыюсь, было бы глупо с моей стороны.

— Чтобы оказаться в нужное время в нужном месте, надо много ездить по стране.

— Мы ездим. Такое количество гастролей, как в этом пятнадцатом театральном сезоне, никогда в жизни не проводили. В конце девяностых был период, когда мы объехали Финляндию, Чехию, Австрию, Германию. В этом сезоне за семь месяцев объедем двенадцать городов России. Это не только гастролы, но и театральные фестивали. Например, такие, как Фестиваль русских театров в Махачкале, международный фестиваль "Люди" в Орле. В октябре у нас с большим успехом прошли гастролы в Череповце и в Орле. Я рад, что в наш юбилейный год мы стали одним из самых гастролирующих театров страны.

— Ты как-то говорил, что многое в жизни решают связи. Сейчас не изменил свое мнение?

— Я до сих пор так думаю. Бывают, конечно, кроме этого, удача, счастливые случаи.

— А ты удачливый?

— Считаю, что да, хотя и не во всем. Мне везет в профессии, в каких-то продюсерских вещах. Но у меня сложно всегда складывались отношения с девушками. С семьей не очень хорошо сложились отношения. Моя большая удача в том, что у меня есть сын. Во всем удачливым быть невозможно, нужно делить, причем делить очень грамотно. Не повезло в одном, повезет в другом.

— Что бы ты сам себе в день рождения пожелал?

— Здоровья в первую очередь, потому что когда теряешь близких людей, начинаешь думать именно о нем. Друзей хочется не терять, чтобы родные были рядом подольше. Профессия делает артистов и режиссеров в чем-то эгоистичными. Когда на второй план вдруг уходит то, что является самым главным — родители, близкие, друзья. Целиком и полностью уходишь в работу и забываешь, что тебе на самом деле дорого. Наверное, все дети эгоистичны по отношению к своим родителям, и начинают они понимать это только после того, как их теряют. В моей жизни это произошло, к сожалению. Уже месяц, как нет мамы. Не думал никогда, что это произойдет так рано. И теперь с этим как-то нужно жить. На творчестве это отразится: какие-то темы меня будут волновать сильнее, о чем-то я буду в своих спектаклях рассказывать честнее и к людям относиться иначе. Я на всех своих премьерах сейчас говорю любимую фразу моей мамы: "Любите друг друга, цените и уважайте, может быть, только тогда в вашей жизни появится Солнце".

Екатерина МАЙ
Фото Николая НОВИКОВА

Союз городов

В Японии территории мало, города стоят плотно. Один город кончается, другой начинается. Я думаю: скоро Волгореченск и Кострома станут приближаться друг к другу и соединятся. Благо дорога между ними недавно отремонтирована. Волгореченск расши-

ряется. Ему недавно передали часть земли Нерехтского района для строительства новых предприятий. Вы скажете: слишком далеко города стоят, на расстоянии сорока трех километров. Волгоград протянулся вдоль Волги на сто километров. У нас есть знаменитая электростанция, своя энергия в Волгореченске — чего городам не расти? Можно раскатывать на электромобилях и электроскутерах, как в фантастическом городе будущего, — регион энергоизбыточный. А чистую воду для растущих поселений можно брать в притоках Волги.

Артур Первомайский,
дальнобойщик

Дешевые и живописные

У меня мечта создавать в России безумно дешевые спортивные объекты. Берем лес, рошу, каких много. Представим Посадский лес в Костроме, "Берендевку". Посыпаем тропинки слоем опилок. По таким мягким тропинкам можно пробегать и проходить ради тренировки десятки километров. Ноги не устают, как на асфальте, когда мышцы перенапрягаются. На таких "спортивных объектах" могут бегать кроссы как профессиональные спортсмены, так и ходить ради здоровья пенсионеры, увлекающиеся

новомодной ходьбой по холмам с лыжными палками. Зимой по тропинкам, естественно, прокладывают лыжню. Задумайтесь: где-нибудь в Германии такие тропинки, посыпанные опилками, не появляются, потому что там берегут лес и используют все отходы. Только у нас есть такое богатство, такой колорит.

Арнольд Жеребцов,
спортсмен, ветеран

Куда курильщику податься?

С введением "антитабачного" закона полиция может оштрафо-

вать граждан за курение в общественном месте. Но сколько я ни пытался искать в Интернете точное определение, что такое "общественное место", не нашел. Допустим, водители маршруток курят на конечной остановке, когда там нет никого, кроме них, пассажиры сразу уходят. Является ли такое место общественным? Не выскочит ли наряд из кустов, чтобы оштрафовать? Предлагаю установить в городе таблички в разных местах, чтобы облегчить судьбу курильщиков: "Место не является общественным". Обозначить какие-то полянки, пустыри, опушки.

Расул,
водитель маршрутки